

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ,

ОСНОВАННЫЙ

РОЗОЮ ЛЮКСЕМБУРГ

И

ФРАНЦЕМ МЕРИНГОМ

ЕДИНСТВЕННЫЙ НОМЕР
ВЫШЕДШИЙ В 1915 ГОДУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1925 . . ПЕТРОГРАД

429/59

185

1130

51
1130a

Bc

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ,

ОСНОВАННЫЙ

РОЗОЮ ЛЮКСЕМБУРГ

И

ФРАНЦЕМ МЕРИНГОМ

21848

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

20 K

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Статья Розы Люксембург.

I.

4 августа 1914 г. было днем политической смерти германской социал-демократии и, вместе с тем, днем крушения социалистического Интернационала. Всякая попытка отрицать или затушевать этот факт, какие бы мотивы ни лежали в ее основе, заключает в себе объективно одну только тенденцию: увековечить, возвести до степени сознательного, нормального состояния тот роковой самообман социалистических партий, те внутренние пороки движения, которые привели к катастрофе, превратить надолго социалистический Интернационал в фикцию, в лицемерную ложь.

Самый факт крушения является беспримерным в истории всех веков. Социализм или империализм — этой альтернативой резюмировалась исчерпывающим образом политическая ориентация рабочих партий в течение последнего десятилетия. В особенности в Германии эта альтернатива провозглашалась, как лозунг социал-демократии, как ее понимание современного исторического фазиса и его тенденции. Так формулировался вопрос в бесчисленных программных речах, на митингах, в брошюрах и в газетных статьях.

Но вот грянула война — и формула облеклась живою плотью, альтернатива из исторической тенденции превратилась в политическую ситуацию. Перед социал-демократией встала во весь рост ею же впервые осознанная и проведенная в сознание народных масс альтернатива. И что же? Социал-демократия сдала свои позиции без борьбы, она уступила империализму поле брани. В истории человечества, с тех пор как существует борьба классов, с тех пор как существуют политические партии, никогда еще не было такого прецедента, чтобы партия, непре-

рывно развивавшаяся в течение 50 лет, выросшая в крупнейшую политическую силу и сплотившая под своим знаменем миллионные массы, в течение 24 часов превратилась, в качестве политического фактора, в нечто совершенно невесомое, как это произошло с германской социал-демократией. Пример этой партии, — именно потому, что она представляла собою выдающийся по своей организованности и дисциплинированности передовой отряд Интернационала, — является наилучшим показателем нынешнего крушения социализма.

Пытаясь как-нибудь оправдать и прикрыть красивым флером факт крушения партии, вожди ее поспешили придумать новую теорию. Автором ее является тот же Карл Каутский, который, в качестве представителя так называемого «марксистского центра», или, выражаясь языком политики, в качестве теоретика партийного «болота», уже с давних пор пизвел теорию до роли угодливой прислужницы официальной практики («партийных инстанций» и тем самым в немалой доле подготовил нынешнее крушение партии. По этой теории социал-демократия является хотя и орудием мира, но не средством борьбы с войною. Еще определеннее высказываются по этому вопросу верные ученики Каутского в австрийском журнале «Кампф». Сердечно сокрушаясь по поводу нынешних заблуждений германской социал-демократии, они постановляют: единственная политика, подобающая социализму во время войны, это — «молчание»; социализм начнет снова действовать лишь после того, как раздастся благовест мира*). Как теория добровольных евнухов, считающих возможным охранить добродетель социализма только путем устранения его, как фактора, в решительные моменты мировой истории, эта теория страдает основным пороком всех расчетов политической импотенции: в ней счет составлен без хозяина.

Перед лицом альтернативы: за войну или против войны — социал-демократия в момент своего отказа от противодействия войне была вынуждена железной логикой исторической необходимости бросить все свое влияние на другую чашку весов, т. е. высказаться за войну. Тот самый Каутский, который на памятном совещании фракции от 3 августа отстаивал вотирование военных кредитов, и те самые «австро-марксисты» (как они сами себя именуют), которые еще и теперь в своем журнале «Кампф» объявляют вотирование военных кредитов социал-демократической фракцией чем-то само собою понятным, и они время от времени проливают слезы по поводу националистических эксцессов социал-

*) См. статью Фридриха Адлера в январском выпуске журнала «Кампф» («Борьба»).

демократических партийных органов, а также по поводу недостаточной теоретической подготовки, обнаруживаемой последними, в особенности в тех случаях, когда требуется тончайшее расчленение понятия «национальности» и других «понятий», и являющейся будто бы причиной их заблуждений. Но вещи имеют свою логику, даже в тех случаях, когда люди хотят обойтись без нее. Стоило только социал-демократии, в лице ее парламентского представительства, высказаться за поддержку войны, и все прочее последовало само собою с неотвратимостью исторического рока.

4 августа германская социал-демократия, очень далекая от того, чтобы «молчать», взяла на себя чрезвычайно важную историческую функцию: она стала щитоносцем империализма в настоящей войне. Наполеон как-то сказал: исход сражения зависит от двух факторов: во-первых, от «земного» фактора, т. е. характера местности, качества оружия, атмосферических явлений и т. п., и во-вторых — от «божественного» фактора, под которым надо разуметь моральное состояние армии, ее воодушевление, ее веру в свое дело. О «земном» факторе в настоящей войне больше всего позаботилась на стороне германской коалиции фирма Крупп в Эссене; «божественный» же фактор оказался, главным образом, на попечении социал-демократии. Услуги, оказанные ею со дня 4 августа и оказываемые ею еще и теперь, изо-дня в день, германскому верховному командованию, не поддаются исчислению. Профессиональные союзы с момента возникновения войны прекратили всякую борьбу за повышение заработной платы и прикрывают флером «социализма» все меры, принимаемые военной властью в целях предупреждения народных волнений. Женщины социал-демократки, забросив дело социал-демократической агитации, рука об руку с буржуазными патриотками отдают все свои силы и время на облегчение участи терпящих лишения семейств воинов. Социал-демократическая пресса, за немногими исключениями, в своих ежедневных газетах, в еженедельниках и ежемесячниках пропагандирует взгляд на войну, как на национальное и пролетарское дело; в зависимости от оборота, приписываемого войною, эта пресса либо разрисовывает опасность со стороны России и ужасы дарского режима, либо разжигает ненависть народа к вероломному Альбиону, либо ликует по поводу восстаний и революций в чужих колониях, либо пророчествует о восстановлении могущества Турции в результате нынешней войны, либо обещает свободу полякам, русским и другим народам, либо прививает пролетарской молодежи военную храбрость и героизм; короче говоря, она обрабатывает общественное мнение и народные массы в духе

военной идеологии. Наконец, социал-демократические парламентарии и партийные вожди не ограничиваются вотированием военных кредитов; они стараются подавить в зародыше всякий тревожный симптом сомнения или попытку критики, объявляя все это «озорством» (Quertreiberei), а сами поддерживают правительство и личными негласными услугами, и своими брошюрами, речами и статьями в духе чистейшего немецко-национального патриотизма. Перед лицом таких фактов невольно напрашивается вопрос: знает ли мировая история еще одну войну, в которой наблюдалось бы что-либо подобное?

Где и когда граждане до такой степени покорно примирялись с отменой всех конституционных прав, как с чем-то вполне естественным? Бывало ли где-нибудь, чтобы оппозиция пела хвалебные гимны строжайшей цензуре печати, наподобие того, как это делают некоторые газеты германской социал-демократии? Никогда еще война не находила таких Пиндаров, никогда военная диктатура не встречала такого послушания. В истории не было случая, чтобы политическая партия с таким пламенным рвением сожгла все, чем она была и чем владела, на алтаре того дела, бороться против которого до последней капли крови она бесчисленное число раз клялась перед лицом всего мира? По сравнению с этой эволюцией, приходится признать национал-либералов истинными римскими Катонами, — *goshers de bronze*. В том то и сказалась сила могущественной организации и хваленной дисциплины германской социал-демократии, что четыремиллионная масса, по команде горсточка парламентариев, дала повернуть себя и запретить в ту самую колесницу, сокрушить которую эта масса считала задачей своей жизни. Полувековая подготовительная работа социал-демократии использована для нынешней войны: недаром профессиональные союзы и партийные вожди «школы», пройденной массами в пролетарских организациях. Маркс, Энгельс и Лассаль, Либкнехт, Бебель и Зингер вышколили германский пролетариат для того, чтобы Гинденбург мог им командовать. И поскольку Германия превосходит Францию в отношении пройденной массами школы, их организованности, пресловутой дисциплины и развития профессиональных союзов и рабочей прессы, постольку серьезнее военная помощь социал-демократии в Германии по сравнению с Францией. Вместе со своими министрами, французские социалисты, взявшись за непривычное ремесло национализма и ведения войны, оказываются жалкими диллетантами, если сравнить их дела с теми услугами, которые оказывают отечественному империализму германская социал-демократия и германские профессиональные союзы.

II.

Официальная теория, приютившаяся на столбах «Нейе Цейт» и непринужденно злоупотребляющая марксизмом в интересах партийных инстанций, нуждающихся в доводах для оправдания своей повседневной практики, пытается объяснить некоторую несогласованность теперешних действий рабочей партии с ее вчерашними словами ссылкой на то, что интернациональный социализм много занимался вопросом о том, какие меры следует принимать против возникновения войны, но не касался вовсе вопроса о том, что надлежит делать после ее возникновения*). Как девида, готовая к услугам всякого, эта теория уверяет нас, что нынешняя практика социализма находится в полной гармонии с его прошлым, что ни одна из социалистических партий не может упрекнуть себя в чем-либо таком, что могло бы поставить под вопрос ее принадлежность к Интернационалу. Но в то же время эта на редкость гибкая теория имеет наготове и достаточное объяснение для противоречия между нынешней позицией интернациональной социал-демократии и ее прошлым, — противоречия, явного для всякого, кроме слепого. Интернационал, — говорит она, — обсуждал только вопрос о предупреждении войны. Но вот, «война стала фактом», и тут выяснилось, что с момента возникновения войны социалистам надлежит руководствоваться совершенно иными правилами поведения, чем до войны. Как только война стала фактом, для пролетариата любой страны важен только один вопрос: победа или поражение. То же самое говорит и другой «австро-марксист», Фр. Адлер, выражаясь языком философии естествознания: нация должна, как и всякий организм, прежде всего отстоять свое существование. В переводе на житейский язык это значит: для пролетариата имеется не одно правило поведения, как до сих пор гласил научный социализм, а целых два, — одно для мирного, другое для военного времени. В условиях мира надлежит внутри каждой страны вести классовую борьбу, во-вне — поддерживать интернациональную солидарность; в условиях войны — отстаивать борьбу между рабочими различных стран. Исторический призыв Коммунистического Манифеста получает ныне существенное дополнение и, с поправкою Каутского, гласит: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь во время мира и перегрызайте друг другу глотки во время войны!» Итак, сегодня: «бей

*) См. статью Каутского в «Neue Zeit» («Новое Время») от 2 октября 1914 г.

врага, патронов не жалея», а завтра, по заключении мира: — «придите в наши объятия, миллионные массы, наш поделуй — всему миру». Ибо Интернационал представляет собою «в сущности орудие мира», но «не аппарат, применимый во время войны»^{*)}.

Эта услужливая теория открывает, таким образом, чарующие перспективы для социал-демократической практики, возводя чуть ли не в основной догмат социалистического Интернационала непостоянство фракции-флюгера в комбинации с пезуитизмом центра. Но это еще не все. Официальная теория, вдобавок, кладет начало совершенно новому «пересмотру» исторического материализма, — пересмотру, по сравнению с которым все попытки, сделанные в свое время Бернштейном, представляются невинной детской игрой. По этой теории пролетарская тактика до возникновения войны и после ее возникновения должна направляться по совершенно различным и даже прямо противоположным путям. В основании такого положения лежит предположение, что и социальные условия, определяющие нашу тактику, в корне различны в мирное и в военное время. По теории исторического материализма, в том виде, как она создана Марксом, вся дошедшая до нас история человечества представляет собою историю классовой борьбы. По пересмотренной Каутским теории материализма, к словам Маркса необходимо прибавить: исключая периоды войн. Таким образом, имея в виду периодическую повторяющуюся на протяжении тысячелетий войны, схему общественного развития надо представлять себе в следующем виде: период классовой борьбы, за ним — перерыв, заполненный единением классов и национальной борьбой; затем — опять период классовой борьбы, опять перерыв и единение классов, и так далее, с теми же очаровательными сменами. Основы социальной жизни переворачиваются вверх ногами всякий раз, как только возникает война, и вторично переворачиваются обратно, как только заключен мир. Это уже, как видите, не теория общественного развития «катастрофами», против которой Каутскому пришлось в свое время ополчаться вместе с другими «озорниками», это — теория развития... акробатическими прыжками. В данном случае общество движется на манер ледяной горы, плывущей в весенних водах: по истечении известного времени, как только ледяная гора пообтаяла кругом в своем основании, она переворачивается вниз головой, и эта забавная процедура повторяется периодически время от времени.

Но, во-первых, этому пересмотренному историческому материализму резко противоречит весь известный фактический

^{*)} См. статью Каутского в «Neue Zeit» от 27 ноября 1914 года.

материал истории, вплоть до наших дней: вместо на-спех сконструированного противоречия между войной и классовой борьбой, факты, наоборот, самым наглядным образом свидетельствуют о постоянном диалектическом переходе войн в классовую борьбу и классовой борьбы в войны и, следовательно, о внутреннем единстве их сущности. Это мы наблюдаем и в войнах средневековой истории городов, и в войнах эпохи реформации, и в войне за освобождение Нидерландов, и в войнах Великой Французской революции, и в Американской войне за независимость, и в восстании Парижской Коммуны, и, наконец, в Русской революции 1905 года. Во-вторых, и при чисто абстрактно-теоретическом подходе к вопросу, теория исторического материализма Карла Каутского не оставляет и камня на камне от теории Маркса, что явствует из следующего простого соображения. Если, как полагает Маркс, и классовая борьба, и войны не падают с неба, а вытекают из глубоких экономически-социальных причин, то они могут периодически прекращаться только при условии, если исчезают их причины. Что касается пролетарской классовой борьбы, то она является лишь неизбежным последствием эксплуатации наемного труда, во-первых, и политического классового господства буржуазии, во-вторых. Но во время войны эксплуатация наемного труда ни в малейшей степени не исчезает; наоборот, интенсивность этой эксплуатации усиливается в огромной степени в связи со спекуляцией и горячкой «грюндерства», процветающими на благодарной почве военной индустрии и вследствие нажима, производимого военной диктатурой на рабочих. Точно так же не прекращается во время войны и политическое классовое господство буржуазии; наоборот, вследствие отмены конституционных прав, оно вырастает в неприкрытую классовую диктатуру. А если экономические и политические источники классовой борьбы во время войны быют в обществе с удесятеренной силой, то каким же образом может классовая борьба прекращаться? Далее, что касается войн современного исторического периода, то они происходят из конкурирующих интересов различных групп капиталистов и из потребности капитала в расширении сферы своего приложения. Но обе эти движущие пружины действуют не только под грохот пушек, но и под сенью мира: тут-то именно они и готовят и делают неизбежным возникновение войн. Ведь война, по выражению Клаузевица (которое Каутский особенно любит цитировать), представляет собою только «продолжение политики другими средствами». И ведь именно империалистический фазис господства капитала своим соперничеством в вооружениях и превратил мир в нечто иллюзорное, установив, по существу

дела, перманентность диктатуры милитаризма, перманентность войны.

Из всего предыдущего вытекает для пересмотренного исторического материализма определенная альтернатива. Либо классовая борьба представляет собою и в обстановке войны доминирующий закон существования пролетариата, а провозглашение, вместо нее, на время войны, классовой гармонии является со стороны партийных инстанций преступлением против жизненных интересов пролетариата; либо классовая борьба представляет собою и в условиях мира преступление против «национальных интересов» и против «безопасности отечества». Одно из двух — либо классовая борьба, либо гармония классов — является основополагающим фактором общественной жизни, как в обстановке войны, так и в условиях мира. В переводе на язык практики эта альтернатива получает еще более ясную форму: либо социал-демократии придется, пришедя покаянную перед отечественной буржуазией, подвергнуть основательному пересмотру всю свою тактику и свои принципы и в мирное время, чтобы приспособиться к своей теперешней социал-империалистической позиции (об этом уже заговорили в наших рядах кающиеся грешники, бывшие некогда молодыми забияками, а ныне превратившиеся в старых святош), — либо она будет вынуждена покаяться в грехах перед международным пролетариатом и согласовать свое поведение во время войны с принципами, исповедуемыми ею в мирное время. При этом все, что мы говорим применительно к германскому рабочему движению, сохраняет свое значение также и для Франции.

Интернационал либо и после войны останется кучей обломков, либо начнет возрождаться на основе классовой борьбы, на той почве, из которой он только и извлекает свои жизненные соки. Он воскреснет к новой жизни не под звуки вновь заведенной после войны старой шарманки, на которой станут бойко и непринужденно, как будто бы ничего не случилось, наигрывать старые мелодии, пленявшие до 4 августа весь мир. Восстановление Интернационала может начаться только путем «сурово-беспощадного осмеяния и отрешения от собственной половинчатости и собственных слабостей», своего собственного нравственного падения со дня 4 августа, только путем ликвидации всей тактики, усвоенной социал-демократией с того дня. И первым шагом в этом направлении является активное выступление в пользу быстрого окончания войны, а также за согласование условий будущего мира с общими интересами международного пролетариата.

III.

До настоящего времени по вопросу о мире в партии обозначилось два течения. Одно из них, выразителями которого являются член президиума партии Шейдеман, ряд депутатов рейхстага и ряд партийных газет, выдвигает, вторя правительству, лозунг «войны до конца» и ведет кампанию против движения в пользу мира, как несвоевременного и опасного для военных интересов отечества. Это течение отстаивает необходимость продолжения войны, т.-е. объективно добивается, чтобы война продолжалась «до победы, соответствующей приписанным жертвам», до «мира с гарантиями», как понимают эти слова господствующие классы. Другими словами, сторонники лозунга «войны до конца» добиваются, чтобы объективная тенденция войны, по возможности, приблизила страну к тем империалистическим завоеваниям, относительно которых газета «Пост», господа Рорбахи, Диксы и прочие пророки мирового владычества Германии откровенно высказались, что они являются целью войны. Если же не осуществятся все эти прекрасные сны, и молодые побеги нашего империализма не разрастутся до небес, то в этом не придется винить ни господ из редакции «Пост», ни их подручных из рядов германской социал-демократии. Ясное дело, что для исхода войны имеют существенное значение не торжественные «декларации» в парламенте «против всякой завоевательной политики», а отстаивание необходимости «войны до конца». Война, за продолжение которой ратуют Шейдеман и иже с ним, имеет свою собственную логику, признанными носителями которой являются верховолящие ныне в Германии группы капиталистов и аграриев, а не скромные фигуры социал-демократических парламентариев и редакторов: последние только помогают первым держаться в стременах. В этом направлении социал-империалистическая линия поведения партии выражена, как нельзя более, ясно.

Во Франции партийные вожди — правда, исходя из совершенно иной военной ситуации — так же неуклонно отстаивают лозунг «войны до победного конца». Но тем временем во всех странах все яснее обозначается движение в пользу скорейшего окончания войны. Наиболее характерной чертой всех этих исканий мира является старательное придумывание всяческих гарантий мира, которых подлежит добиваться при ликвидации войны. Помимо единодушного требования отказа от завоеваний, выдвигается целый ряд новых требований: всеобщее разоружение или, поскромнее, планомерное ограничение соперничества в вооружениях; отмена тайной дипломатии, свободная для всех наций тор-

говья в колониях и много других хороших вещей. Во всех этих пунктах, имеющих целью осчастливить человечество и предупредить в будущем войны, заслуживает удивления неискоренимый оптимизм, который, уцелев в ужасающей катастрофе нынешней войны, еще сажает на могиле старых надежд цветы новых... резолюций. Если что-нибудь доказано крушением от 4 августа, так это — историческое положение, что действительной гарантией мира и действительным оплотом против войн являются не благие пожелания, не хитроумные рецепты и утопические требования, предъявляемые господствующим классам, а исключительно только твердая решимость пролетариата оставаться верным своей классовой политике, своей международной солидарности, как бы ни бушевали ураганы империализма. У социалистических партий главнейших стран, и прежде всего Германии, не было недостатка в требованиях и формулах; им не хватало способности подкрепить свои требования волею и действием в духе классовой борьбы и интернационализма. В настоящее время, после всего пережитого нами, рисовать себе работу по утверждению мира в виде попыток измышления наилучших рецептов против войны — это значило бы констатировать нечто, чреватое величайшими опасностями для интернационального социализма, а именно: что он, несмотря на суровые уроки действительности, ничему не научился и ничего не забыл.

Германия и в данном случае являет нам классический образец. Недавно в журнале «Нейе Цейт» депутат рейхстага Гох изложил программу мира, в защиту которой он, по свидетельству одного партийного органа, выступил с большим пылом. В этой программе было все, что угодно: и длинный список расположенных по пунктам «требований», долженствующих безболезненно и раз навсегда предотвратить всякие войны; и очень убедительные соображения о том, что скорый мир возможен, необходим и желателен. Только одного не было в программе, — указания, что для достижения этого мира необходимо действовать, необходимы дела, а не «пожелания»; не было также пояснения, каким образом необходимо действовать. Дело в том, что автор программы принадлежит к тому компактному большинству фракции, которое не только голосовало дважды за военные кредиты, но и отстаивало всякий раз этот акт, как политическую, патриотическую и социалистическую необходимость, и, будучи превосходно выдрессировано в новой своей роли, готово вотировать и дальнейшие кредиты для продолжения войны, как нечто вполне естественное. Но одновременное согласие на отпуск материальных средств на продолжение войны и разглаговования на тему о желательности скорого мира со всеми его благами,

стремление «одною рукою вручать меч правительству, а в другою — держать ветку мира, помахивая ею над Интернационалом», — все это не что иное, как живой классический образчик политики «болота», теоретически пропагандируемой в той же «Нейе Цейт».

Когда социалисты нейтральных стран, когда участники Копенгагенской конференции самым серьезным образом считают сочинение на бумаге требований и рецептов для установления мира активным выступлением в пользу скорого окончания войны, мы имеем перед собою сравнительно невинное заблуждение. Уразумение важнейших моментов в нынешнем положении Интернационала и причин его крушения может и должно стать общим достоянием всех социалистических партий; но спасение, действие, которое приведет к восстановлению мира, равно как и Интернационала, может исходить только от социалистических партий воюющих стран. Для первого шага к миру, как и к Интернационалу, необходимо повернуть обратно с путей социал-империализма. А пока социал-демократические парламентарии продолжают вотировать военные кредиты, их пожелания мира и рецепты для достижения мира, в частности их торжественные декларации «против всякой завоевательной политики», представляют собою то же, что и «Интернационал» Каутского, члены которого «ни в чем не могут упрекнуть себя» и периодически то братаются и обнимаются, то перерезают друг другу глотки, а именно — лицемерие и, что еще хуже, — химеру. И здесь также вещи имеют свою логику. Вотировав военные кредиты, господа Гохи выпускают поводья из своих рук и не служат делу мира, а наоборот — помогают «продержаться», немногим отличаясь при этом от господ Шейдеманов, которые, отстаивая необходимость «продержаться», фактически отдают поводья в руки людям, стоящим на платформе журнала «Пост», и, таким образом, не осуществляют на деле своих торжественных деклараций «против всякой завоевательной политики», а, наоборот — способствуют разнузданию империалистических инстинктов... до полной потери крови. Здесь также имеется альтернатива: либо Бетман-Гольвег, либо... Либкнехт; либо империализм, либо социализм в понимании Маркса.

Подобно тому, как в личности самого Маркса были неразрывно слиты, поддерживали и дополняли друг друга пронзительный историк-аналитик и смелый революционер, человек мысли и человек дела, точно так же и марксизм, как социалистическое учение, впервые в истории современного рабочего движения соединил теоретическое познание с революционной энергией пролетариата, осветил и оплодотворил одно другим. То и другое одинаково принадлежит к существенным элементам

марксизма; без того или другого марксизм превращается в жалкую свою карикатуру. Германская социал-демократия в течение полувека собирала в изобилии плоды теоретического познания марксизма; их соками она вырастила могучую организацию. Но когда для нее пришел час величайшего исторического испытания, — испытания, которое она, вдобавок, теоретически предвидела с уверенностью естествоиспытателя и предсказала во всех его существенных чертах, — она обнаружила полное отсутствие второго жизненного элемента рабочего движения, — действительной воли, без которой можно только понимать историю, но не делать ее. При всей образцовой ясности ее теоретического понимания и всей ее организационной мощи, ее подхватило водоворотом истории, повернуло в один миг, как оставшийся без руля корабль, и подставило под ветры империализма, против которых она думала пробиться к спасительному острову социализма. Поражение всего Интернационала было уже предрешено этой аварией его «авангарда», его отборного, наиболее подготовленного и наиболее сильного отряда, даже если бы не было ошибок со стороны других частей.

Перед нами одно из величайших по своему значению во всемирной истории крушений, опасным образом осложнившее и замедлившее процесс освобождения человечества от господства капитализма. Но если так должно было случиться, то все же марксизм тут совершенно непричем. А все нынешние попытки приспособить его к маразму, в который впала в данный момент социалистическая практика, протитупировать его для нужд продажной апологии социал-империализма, — эти попытки опаснее даже всех открытых и вопиющих эксцессов националистического угара в рядах партии; в этих попытках имеется тенденция не только продолжать скрывать истинные причины глубокого падения Интернационала, но еще и засыпать родники, из которых он может почерпнуть силы, чтобы в будущем вновь стать на ноги. Возрождение Интернационала, равно как и осуществление мира, соответствующего интересам пролетарского дела, возможно только на основе самокритики пролетариата, на основе осознания им своей силы, — той силы, которая 4-го августа склонилась, как слабая былинка от налетевшей бури, но остается исторически призванной, выпрямившись во весь свой рост, свалить тысячетлетние дубы социальной несправедливости и двигать горами. Путь, ведущий к воскрешению этой силы (а не путь бумажных резолюций) и есть вместе с тем путь к миру и к восстановлению Интернационала.

* * *

Статья тов. Люксембург написана еще в начале февраля*). Так как она, находясь под арестом, не имеет возможности внести какие бы то ни было изменения в свою статью, я считаю своим долгом внести фактическое дополнение: Каутский тем временем заявил, что он не высказывался за военные кредиты. В одной своей полемической статье он сам говорит о своей тогдашней позиции: «Я считал наилучшим выходом из трудного положения — воздержание от голосования. Так как с этим не согласились ни большинство, ни меньшинство, то мне предоставлялось, на худой конец, уместным обсудить вопрос о том, чтобы решение было поставлено в зависимость от предоставления гарантий». По поводу этих слов газета «Гамбургер Эхо», из редакторов которой один, если не два, принадлежат к фракции рейхстага, замечает: «Между прочим, свидетели, заслуживающие безусловного доверия товарищи, утверждают, что на официальных совещаниях Каутский и не предлагал всерьез воздержаться от голосования. Если он это предлагал, то разве в тесной компании собравшихся за чашкою кофе безответственных лиц». На эти слова газеты Каутский ничего не ответил. См. «Гамбургер Эхо» № 50 от 28 февраля 1915 г.

Далее, необходимо добавить, что тов. Гох 20 марта был в рядах меньшинства фракции, покинувшего перед голосованием зал заседаний рейхстага: он не соглашался вотировать бюджет, а новые военные кредиты соглашался принять только в сумме 5 вместо 10 миллиардов.

Франц Меринг.

*) 1915 года. (Прим. перев.).

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
От издателей	3
Вступление	5
Восстановление Интернационала, — статья Р. Люксембург	9
Кто будет расплачиваться за войну? — статья И. Кемпфера	22
Куда ни глянь, везде социализм! — статья П. Ланге	34
Наши женщины и „женская служба нации“, — статья Е. Дункер	44
Борьба за мир, — статья К. Цеткин	50
Из парламентской жизни:	
1. Трещина во фракции прусского ландтага, — статья Г. Штребеля	67
2. Разложение фракции рейхстага	75
Тайное учение и миф, — статья А. Тальгеймера	84
Наши учителя и политика партийных инстанций, — статья Ф. Меринга	91
Литературное обозрение	104

Обл. 1957
Лит. № С-10241